

Исследовательская статья

DOI 10.22363/2313-1683-2019-16-4-540-559

УДК 316.645

**Типы установок на черты
и их роль в самооценке и оценке Другого****М.В. Балева¹, О.И. Полянина¹, И.В. Смирнова²**¹Пермский государственный национальный исследовательский университет
*Российская Федерация, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15*²Московский городской педагогический университет
Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1

В исследовании осуществляется интеграция экспериментального и дескриптивного подходов к изучению аттитюдов. Тестируется предположение о том, что выраженность эмоционального, когнитивного и поведенческого компонентов установок на черты, а также типы этих установок опосредуют оценки себя и Другого по данным чертам. В исследовании приняли участие 314 студентов в возрасте от 18 до 30 лет ($M = 20,23$; $SD = 1,59$), из них 79 мужчин (25 %) и 235 женщин (75 %). Для измерения установок на черты, самооценки и оценки Другого использовался список из 20 антонимичных прилагательных, обозначающих личностные характеристики. В качестве объектов восприятия выступали персонажи видеointервью (юноша или девушка), которые отвечали на вопросы Короткого опросника Темной триады как абсолютно «хорошая» или «плохая» личность. С помощью кластерного анализа в рамках каждого компонента (когнитивного, эмоционального и поведенческого) были выделены типы установок на черты, определяемые спецификой отношения участников к положительным и отрицательным чертам. Полученные результаты свидетельствуют о том, что самооценка субъекта обнаруживает разную выраженность в зависимости от типа установок на черты. Наиболее высокая самооценка наблюдается на фоне представлений о широкой распространенности положительных и редкой – отрицательных черт, максимально контрастной эмоциональной оценке положительных и отрицательных черт, а также убежденности в высокой подконтрольности положительных и низкой – отрицательных черт. Оценка Другого также обнаруживает связи с типами установок на черты. «Хороший» Другой оценивается более высоко при наиболее контрастном эмоциональном отношении к чертам, а «плохой» Другой – при убежденности в более широкой распространенности отрицательных черт по сравнению с положительными и при наименее контрастном эмоциональном отношении к ним. Полученные результаты открывают новые перспективы коррекции самоотношения и отношения к Другому через формирование установок на черты.

Ключевые слова: социальная перцепция; аттитюды; установки на черты; самооценка; оценка Другого

© Балева М.В., Полянина О.И., Смирнова И.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Введение

Социальные установки и их связь с поведением являются одной из наиболее изученных тем в социальной психологии. Однако взаимовлияние поведения и установок настолько многоаспектно, что они по-прежнему входят в число актуальных проблем и рассматриваются в самых разных контекстах. В числе последних работ в данной области можно отметить исследования, посвященные влиянию типов субъектной регуляции на проявления социальных установок (Прыгин, Каюмов, 2017), пересмотру первичных установок после получения новой информации об объекте (Mann, Ferguson, 2015), изучению потребительской лояльности как особого вида социальной установки (Фоломеева, 2012), анализу отвращения как специфической формы протестных аттитюдов (Miketta, Friese, 2019). Такая разнообразная тематика со всей очевидностью свидетельствует о стабильном интересе к изучению роли установок в формировании социальных суждений и поведения.

Компоненты аттитюда. В самом общем виде аттитюд определяется как отношение к объекту, которое выражается в его оценке с некоторой степенью благосклонности или недовольства (Eagly, Chaiken, 1993). Однако общая оценка отношения часто не отражает его сути, поскольку отношение формируется под влиянием ряда факторов и отражает разные, порой противоречивые, взгляды на предмет. С самого начала исследования аттитюдов развивались в рамках трехсторонней модели М. Розенберга и К. Ховланда, которая описывала их когнитивные, аффективные и поведенческие аспекты (Rosenberg, Novland 1960). Эта модель сохранила свою целостность на протяжении всей истории исследований, несмотря на многочисленные попытки ее пересмотра и коррекции (Kaiser, Wilson, 2019).

В работах, посвященных аттитюдам, предпринимались попытки их полной редукции к одному из трех аспектов. Так, А. Greenwald (1989) определял аттитюд как эмоциональную оценку, а Н. Triandis (1971) – как поведенческую предрасположенность. Обоснованность такого подхода имеет под собой определенные основания, поскольку, во-первых, вклады эмоционального, когнитивного и поведенческого компонентов в формирование общего отношения редко бывают равноценными, а во-вторых, могут быть не согласованы между собой. Например, в исследованиях S. Breckler и E. Wiggins (1989, 1991) получены данные о том, что описание одного и того же объекта с помощью антонимичных прилагательных дает разные результаты в зависимости от того, описывают респонденты свои чувства по отношению к объекту (эмоциональный компонент) или объект как таковой (когнитивный компонент). Интересно, что данные компоненты в меньшей степени коррелируют между собой, чем с общим (глобальным) отношением к объекту, причем эмоциональный компонент по сравнению с когнитивным является более надежным предиктором общего отношения. Более того, оказалось, что в некоторых случаях эмоциональный компонент может лучше предсказывать поведение, чем глобальный аттитюд. В исследовании К. Edwards (1990) у испытуемых формировали отношения,

основанные либо на аффекте, либо на когнициях. После этого осуществлялось противоположное воздействие аффективного либо когнитивного характера. Было установлено, что сформированный ранее аттитюд обнаруживает разную чувствительность к опровергающей аргументации в зависимости от того, на какой основе (аффективной или когнитивной) он был сформирован, а также от модальности аргументации. Когнитивная аргументация была эффективна только в отношении установки, основанной на когнициях, а аффективная аргументация срабатывала в обоих случаях. М. Millar и К. Millar (1990), наоборот, пришли к выводам, что аттитюды, основанные на аффективной либо когнитивной аргументации, являются чувствительными к аргументации «не своей» модальности.

Особое значение в исследованиях аттитюдов занимает их поведенческий компонент, поскольку он является наиболее близким прообразом реального поведения. Вместе с тем, начиная с эксперимента Р. Лапьера (La Piere, 1967), между декларируемым и реальным поведением обнаруживается расхождение. Как показывают исследования, это расхождение исчезает под влиянием высокой мотивации, в результате осознания установок, а также возможности рефлексии до начала действия (Devine, 1989; Fazio, Olson, 2014; Greenwald et al., 2009; Kurdi et al., 2018).

На сегодняшний день когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты рассматриваются скорее не как структурные элементы, а как внешние корреляты аттитюда. Предполагается, что аттитюд как общее отношение к объекту может в большей или меньшей степени коррелировать с каждым из них, но не обязательно сводится к их совокупности. Такой подход начал формироваться с конца 1980-х годов. Так, М. Zanna и J. Rempel (1988) показали, что отношение может быть сформировано на аффективной основе, но при этом коррелировать с уровнем осведомленности об объекте или оценкой последствий собственных действий по отношению к нему. А. Eagly и S. Chaiken (1993) получили данные о том, что общая оценка объекта может быть предиктором аффективных, когнитивных и поведенческих следствий, то есть формировать определенные реакции в отношении него, например, симпатию, атрибутивные описания или готовность действовать. Несмотря на разницу подходов, традиционная тройственная модель задает исчерпывающее концептуальное поле для изучения социальных установок. Таким образом, включение в исследование когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов аттитюда представляется оправданным и целесообразным, поскольку позволяет, во-первых, составить более объемную типологию установок на черты, а во-вторых, сравнить вклады выделенных типов между собой и оценить соответствие этих данных результатам, полученным с помощью аналогичных процедур.

Установки на черты как предикторы оценки себя и Другого. В исследовании С.А. Щebetенко (2015) было выдвинуто предположение о том, что самовосприятие субъекта зависит не только от его самооценки, но и от установок на оцениваемые параметры – черты личности, которые сами по себе

можно рассматривать в качестве объекта восприятия. Меняя инструкцию к вопроснику «Большая пятерка», автор получил данные о том, что установка на черты, представленная эмоционально окрашенной дихотомией «нравится – не нравится», а также установка на диспозиционную обусловленность (подконтрольность) черт коррелируют с непосредственной самооценкой субъекта по данным чертам и могут в той или иной мере предсказывать ее. К. Rothermund et al. (2005) высказали сходное предположение: самооценка субъекта по определенным чертам будет зависеть от его установок в отношении подконтрольности данных черт, что соответствует поведенческому компоненту установки. Было обнаружено, что испытуемые предпочитали приписывать себе положительные черты, которые плохо поддаются контролю, и отрицательные черты, которые, наоборот, хорошо контролируются. В работе S. Pahl и J. Eiser (2005), выполненной по сходной методике, изучалась роль установок в самооценке и оценке Другого. С точки зрения когнитивного компонента черта оценивалась в исследовании как «часто/редко встречающаяся», с точки зрения эмоционального компонента – как «приятная/неприятная», а с точки зрения поведенческого компонента – как «легко/сложно контролируемая». Результаты работы отличались от полученных ранее: приписываемые себе и Другому положительные черты обнаружили более высокие оценки по каждому компоненту аттитюдов, то есть воспринимались как более типичные, положительные и контролируемые.

Проблема исследования. В исследованиях аттитюдов можно выделить, на наш взгляд, два основных направления, разница между которыми определяется логикой исследовательских дизайнов. В рамках первого, дескриптивного, дизайна ставится задача выявить и описать качественные особенности отношения к объекту или категории объектов. В рамках второго, экспериментального, дизайна основным предметом исследования является феномен влияния: установок на поведение (и наоборот), отдельных компонентов установок друг на друга, взаимного влияния общего отношения и его компонентов, контраргументации на установки и т.д. С одной стороны, концептуальное расхождение дескриптивного и экспериментального подходов в данной сфере является оправданным, поскольку позволяет исследовать фундаментальные закономерности аттитюдов отдельно от их единичных, в том числе случайных, проявлений. Вместе с тем дескриптивный и экспериментальный подходы имеют, на наш взгляд, некоторые перспективы сближения, поскольку индивидуальные различия в установках, полученные в рамках дескриптивного подхода, можно рассматривать как их типы. Мы полагаем, что общим критерием для выделения типов установок может служить соотношение оценок некой совокупности объектов или их свойств, которые можно определить как объективно «хорошие» и «плохие».

Концепция, определяющая новизну настоящего исследования, состоит в попытке интеграции экспериментального и дескриптивного подходов в исследовании аттитюдов. Значимость такого подхода связана с возможностью качественной дифференциации эффектов установок на формирование само-

оценки и оценки Другого. Опираясь на результаты описанных исследований (Щебетенко, 2015; Pahl, Eiser, 2005; Rothermund et al., 2005), мы выдвигаем предположение о том, что типы установок на черты опосредуют самооценку, а также оценки «хорошего» и «плохого» Другого по данным чертам. Таким образом, целью настоящего исследования является выявление типов установок на черты и изучение их влияния на самооценку и оценку Другого.

Процедура, материалы и методы исследования

Участники. Выборку составили 314 студентов в возрасте от 18 до 30 лет ($M = 20,23$; $SD = 1,59$), из них 79 мужчин (25 %) и 235 женщин (75 %). Участие в исследовании являлось добровольным, каждый респондент давал письменное согласие на обработку персональных данных.

Процедура. Исследование проводилось в группах по 7–15 человек. Общее время тестирования составляло около 30 минут.

На первом этапе участники отвечали на вопросы Короткого опросника Темной триады (Егорова и др., 2015). После этого им предлагался список из 20 черт, каждую из которых следовало оценить безотносительно к себе или Другому, то есть выразить свою установку по отношению к ней. Далее с помощью того же списка черт участники оценивали самих себя. На следующем этапе им предъявлялся стимульный материал – видеозапись интервью с юношей или девушкой, которые отвечали на вопросы Короткого опросника Темной триады. После просмотра участники оценивали персонажа интервью по уже знакомому им списку из 20 черт.

Стимульный материал. В качестве объектов восприятия выступили персонажи постановочного интервью (юноша и девушка) – студенты, обучающиеся по специальности «Актерское искусство». В ходе интервью они отвечали на вопросы Короткого опросника Темной триады (Егорова и др., 2015). Каждый актер отвечал на вопросы данного опросника дважды, причем противоположным образом: в одном случае как личность с минимальной выраженностью темных черт, а в другом случае – как личность с их максимальной выраженностью. Таким образом, каждый актер сыграл две роли – «хорошего» и «плохого». Каждому участнику предоставлялась видеозапись одного персонажа (примерно в равных сочетаниях личностной валентности и пола).

Последующий анализ оценок «плохого» и «хорошего» объекта по всем чертам выявил значимые различия между ними ($2,98 < t < 50,12$; $p < 0,001$), что свидетельствовало о содержательной валидности стимульного материала и релевантности предлагаемых черт для отображения поведенческой валентности объекта.

Методики. Список черт включал 20 антонимичных (10 положительных и 10 отрицательных) прилагательных, представлявших собой краткие названия черт Темной триады, а также Большой пятерки и ее фасет (ключевых характеристик черт), которые коррелируют с чертами Темной триады (Егорова и др., 2015). Например: самокритичность – самовлюбленность, порядочность – без-

нравственность и т.д. Такой выбор был обусловлен особенностями стимула. Поскольку персонажи интервью отвечали на вопросы Короткого опросника Темной триады, их можно было адекватно охарактеризовать именно с помощью этих (релевантных) черт. В списке, предлагаемом участникам, положительные и отрицательные черты были перемешаны и чередовались случайным образом. Однако при обработке результатов они были скомпонованы в группы положительных и отрицательных, причем порядок черт во второй группе соответствовал их антонимичным парам в первой группе. Целью такой компоновки было более наглядное отображение результатов кластерного анализа.

Измерение установок на черты, а также оценок себя и Другого по данным чертам осуществлялось с использованием разных инструкций. Установки на черты измерялись по аналогии с процедурой, применявшейся в исследовании S. Pahl и J. Eiser (2005). Для каждого компонента установки использовалась своя инструкция. Так, когнитивный компонент задавался инструкцией «Насколько часто встречаются следующие качества у людей?» (осведомленность о черте); эмоциональный компонент – инструкцией «Насколько следующие качества нравятся лично Вам?» (эмоциональная оценка черты), поведенческий компонент – «Насколько сложно данные качества поддаются контролю со стороны человека? Насколько тяжело ему управлять ими по своему желанию?» (готовность действовать в отношении черты, то есть управлять ею).

Для измерения самооценки использовалась инструкция «Оцените, насколько выражены лично у вас следующие черты». Оценка Другого (персонажа интервью) задавалась инструкцией «Оцените, насколько выражены у этого человека следующие черты».

Все описанные выше оценки черт (и людей по данным чертам) осуществлялись по пятибалльной шкале.

При обработке результатов показатели установок фиксировались отдельно для каждой черты, а показатели самооценки и оценки Другого – как одиночные интегративные переменные. Для этого вначале подсчитывался средний балл по положительным чертам, затем – средний балл по отрицательным чертам, а после этого – разность между ними.

Статистический анализ данных осуществлялся в программе Statistica 10 с использованием кластерного и дисперсионного анализов.

С помощью *кластерного анализа (метод К-средних)* определялись группы участников со статистически значимыми различиями по показателям установок на черты внутри каждого компонента (когнитивного, эмоционального и поведенческого). Каждый раз в анализ включались показатели всех черт – как положительных, так и отрицательных. Задавались двух-, трех- и четырехкластерные варианты решения. Выделенные кластеры (группы участников) анализировались с точки зрения соотношения в них оценок положительных и отрицательных черт и интерпретировались как группы участников с разными типами установок на черты.

Дисперсионный анализ (двухфакторный ANOVA) использовался для изучения различий в показателях самооценки и оценки Другого в группах испы-

туемых с разными типами установок на черты. В качестве независимых переменных в анализ включались показатели типов установок (по каждому компоненту в отдельности) и валентности объекта («хороший» – «плохой»), а в качестве зависимых переменных – показатели самооценки и оценки Другого. Оценивались эффекты и взаимодействия факторов установок на черты и валентности объекта восприятия по показателям его оценки и самооценки по данным чертам.

Оценка репрезентативности выборки осуществлялась по шкалам Короткого опросника Темной триады с помощью значений асимметрии и эксцесса.

Результаты

Значения асимметрии (A_s) и эксцесса (E_x) свидетельствовали о том, что данные распределены нормально ($-0,20 < A_s < 0,51$; $-0,23 < E_x < 0,16$), то есть выборку можно расценивать как репрезентативную.

По итогам кластерного анализа наиболее информативным оказалось решение с выделением трех кластеров. Описательная статистика полученных кластеров приводится в таблице.

Таблица / Table

Описательная статистика кластеров установок на черты
[Clusters of attitudes toward traits: descriptive statistics]

Компоненты установок на черты	Средние значения и стандартные отклонения оценок черт:		Значимость различий между кластерами
	положительных	отрицательных	
Когнитивный			
Кластер 1	2,44 ± 0,25	3,72 ± 0,44	10,74 < F < 114,14; p < 0,001
Кластер 2	3,04 ± 0,30	3,10 ± 0,58	
Кластер 3	3,55 ± 0,30	2,43 ± 0,51	
Эмоциональный			
Кластер 1	3,96 ± 0,23	2,33 ± 0,35	10,18 < F < 113,80; p < 0,001
Кластер 2	4,17 ± 0,41	1,67 ± 0,32	
Кластер 3	4,65 ± 0,35	1,39 ± 0,22	
Поведенческий			
Кластер 1	2,62 ± 0,40	2,32 ± 0,36	3,17 < F < 90,38; p < 0,05÷0,001
Кластер 2	2,39 ± 0,44	3,70 ± 0,36	
Кластер 3	3,41 ± 0,34	3,29 ± 0,35	

В результате анализа по показателю когнитивного компонента установок было выделено три кластера, значимо различающихся между собой по оценкам всех исследуемых черт ($10,74 < F(2,311) < 114,14$; $p < 0,001$). В первый кластер вошло 108 участников, оценивающих распространенность поло-

жительных черт как более редкую по сравнению с распространенностью отрицательных черт ($|t| = 26,29; p < 0,001$). Во второй кластер вошло 137 человек, по-разному оценивающих преобладание распространенности положительных и отрицательных черт ($|t|=1,08; p > 0,10$). В третий кластер вошло 69 респондентов, полагающих в основном, что положительные черты встречаются чаще, чем отрицательные ($|t| = 15,72; p < 0,001$). Таким образом, можно сказать, что первый кластер составили испытуемые, придерживающиеся негативного взгляда на природу человека, третий кластер – испытуемые, склонные, наоборот, к позитивной оценке окружающих, а второй кластер – испытуемые, не связывающие распространенность черт характера с их валентностью. Средние значения когнитивных оценок черт в разных кластерах отображены на рис. 1.

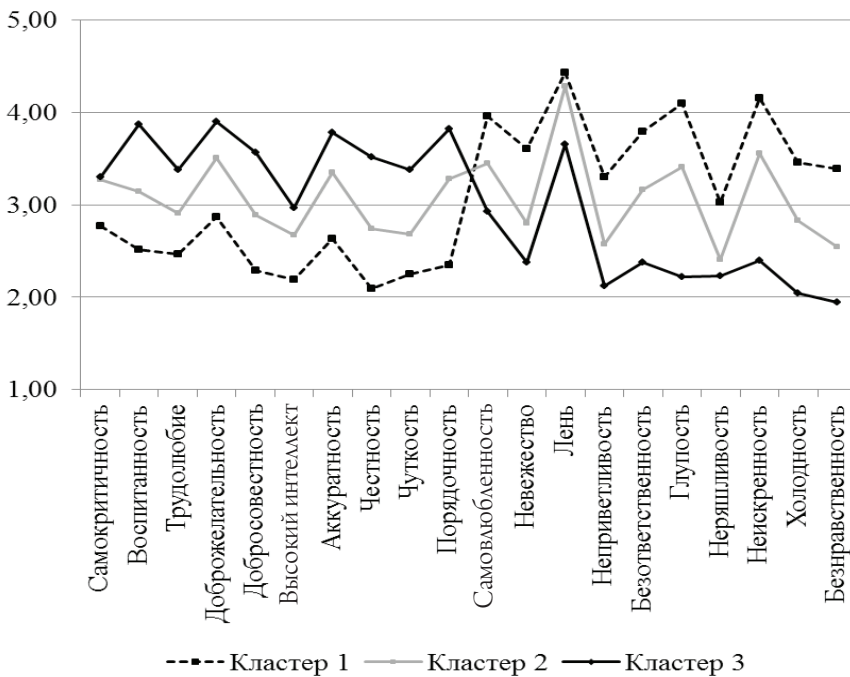

Рис. 1. Средние значения когнитивных оценок черт в разных кластерах испытуемых
 [Figure 1. Means of traits cognitive assessments in different clusters]

По показателю эмоционального компонента установок также было выделено три кластера, значимо различавшихся между собой по оценкам всех исследуемых черт ($10,18 < F < 113,80; p < 0,001$). Независимо от вхождения в тот или иной кластер, все участники отдали большее предпочтение положительным, чем отрицательным чертам. Вместе с тем оценки положительных и отрицательных черт у респондентов первого кластера были менее контрастными ($|t| = 27,52; p < 0,001$), чем у респондентов второго ($|t| = 52,22; p < 0,001$) и особенно третьего ($|t| = 95,28; p < 0,001$) кластеров. Таким образом, члены первого кластера ($n = 50$) проявили относительную умеренность и меньшую

эмоциональность в оценке разновалентных черт, чем члены второго ($n = 118$) и третьего ($n = 146$) кластеров. Средние значения эмоциональных оценок черт в разных кластерах отображены на рис. 2.

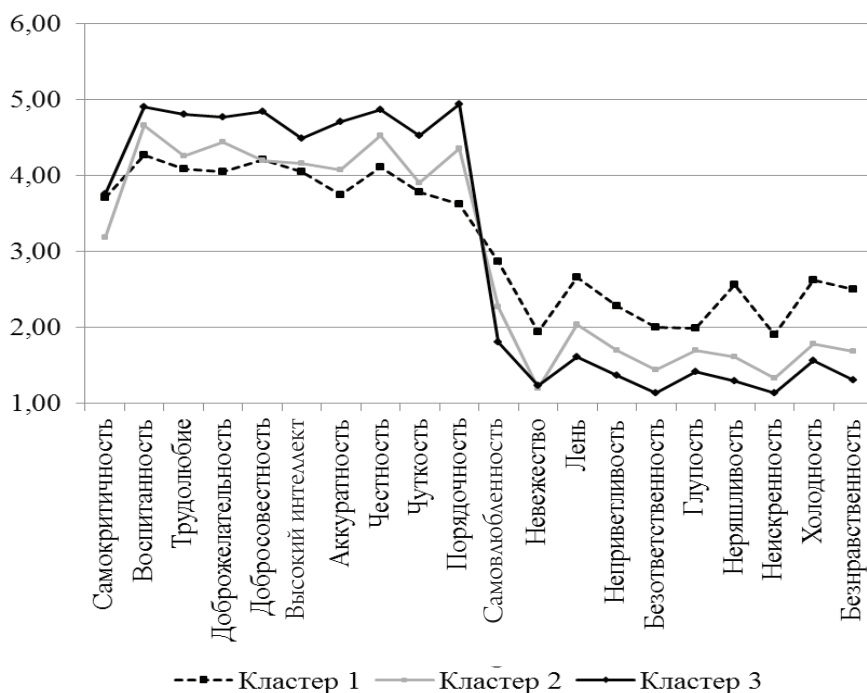

Рис. 2. Средние значения эмоциональных оценок черт в разных кластерах испытуемых [Figure 2. Means of traits emotional assessments in different clusters]

По показателю поведенческого компонента установок также было выделено три кластера, значительно различавшихся между собой по оценкам всех исследуемых черт ($3,17 < F < 90,38; p < 0,05 \div 0,001$). В первый кластер вошло 84 участника, полагающих, что всеми чертами управлять относительно легко. В третий кластер вошло 118 человек, считающих, что всеми чертами управлять, наоборот, достаточно тяжело. Во второй кластер вошло 112 респондентов, полагающих, что положительными чертами управлять значительно легче, чем отрицательными чертами ($|t| = 24,57; p < 0,001$). Таким образом, первый кластер составили испытуемые с установкой на высокую подконтрольность черт, третий кластер – испытуемые с установкой на их низкую подконтрольность, а второй кластер – испытуемые с установкой на высокую подконтрольность положительных и низкую подконтрольность отрицательных черт. Средние значения поведенческих оценок черт в разных кластерах отображены на рис. 3.

На рис. 4 представлены результаты дисперсионного анализа показателей самооценки, а также оценки «хорошего» и «плохого» Другого при разных типах когнитивных установок на черты.

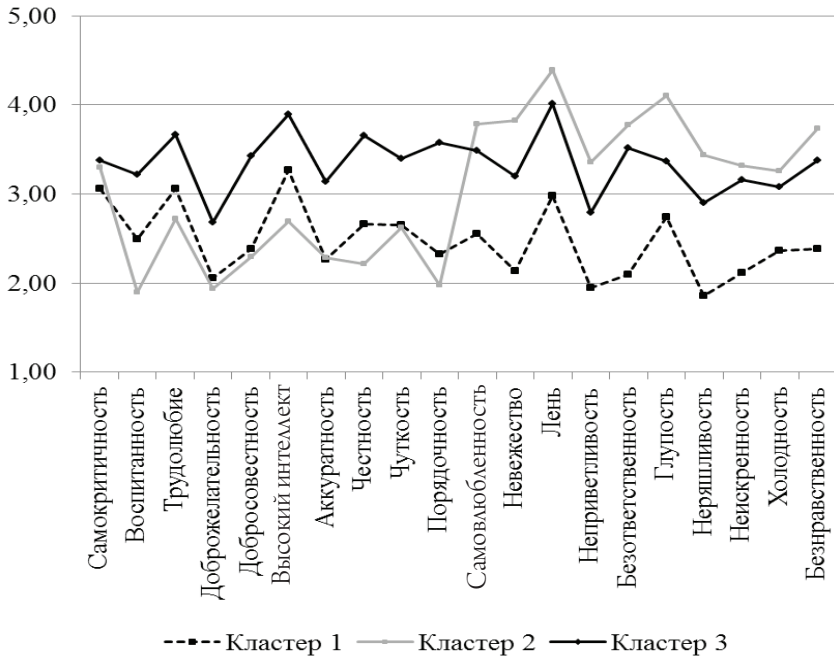

Рис. 3. Средние значения поведенческих оценок черт в разных кластерах испытуемых [Figure 3. Means of traits behavioral assessments in different clusters]

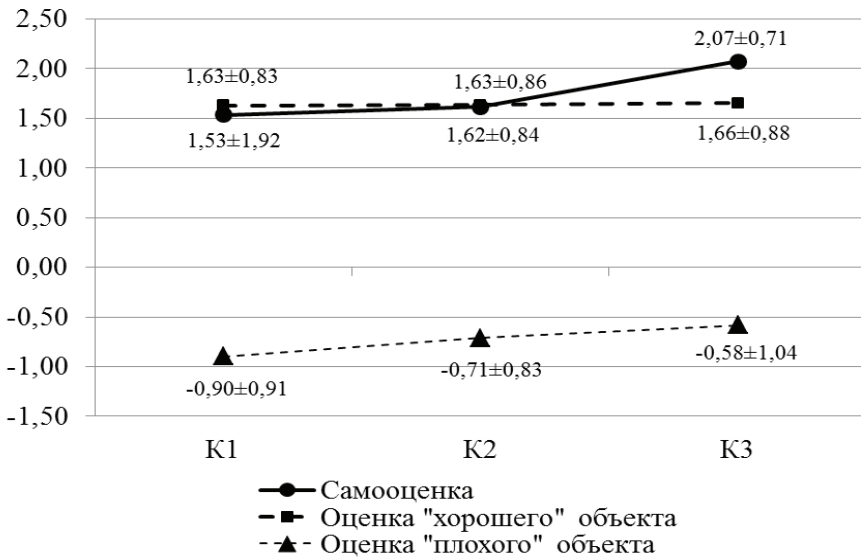

Рис. 4. Средние значения самооценки и оценки Другого при разных типах когнитивных установок на черты: K1 – кластер участников, считающих, что отрицательные черты встречаются чаще, а положительные – реже; K2 – кластер участников, считающих, что положительные и отрицательные черты встречаются с одинаковой частотой; K3 – кластер участников, считающих, что отрицательные черты встречаются реже, а положительные – чаще [Figure 4. Means of self- and Other assessments for different types of cognitive attitudes toward traits: K1 – cluster of participants who believe that negative traits are more common and positive traits are less common; K2 – cluster of participants who believe that positive and negative traits occur with the same frequency; K3 – cluster of participants who believe that negative traits are less common and positive ones are more common]

Анализ показал, что все независимые факторы оказывают значимое влияние на самооценку и оценку объекта ($13,30 < F < 729,90$; $p < 0,001$), однако значимое взаимодействие обнаруживается только между факторами валентности объекта и направленности оценки (на себя – на Другого): $F = 619,20$; $p < 0,001$. По данным Post hoc анализа, участники, полагающие, что положительные черты встречаются чаще отрицательных, выше оценивают себя ($p < 0,001$) и «плохого» Другого ($p < 0,05$), чем участники, полагающие, что положительные черты встречаются реже отрицательных.

На рис. 5 представлены результаты дисперсионного анализа показателей самооценки, а также оценки «хорошего» и «плохого» Другого при разных типах эмоциональных установок на черты.

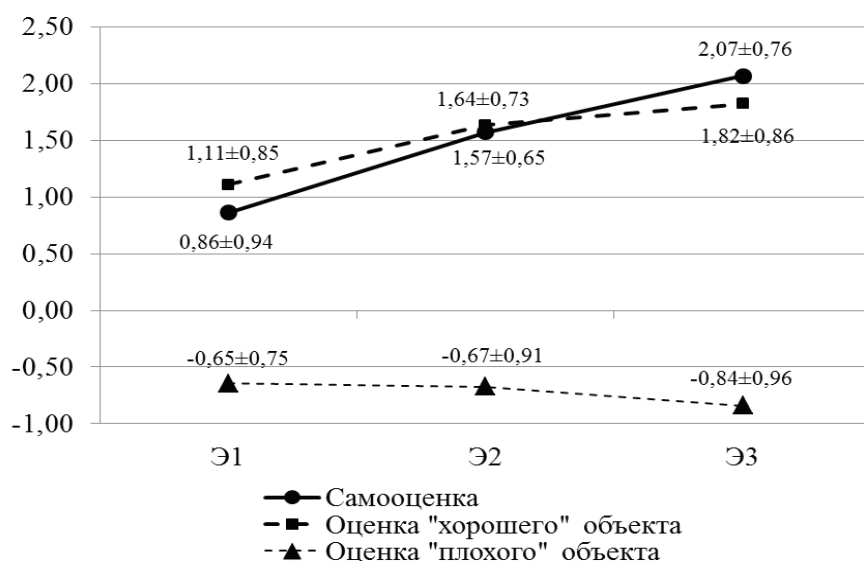

Рис. 5. Средние значения самооценки и оценки Другого при разных типах эмоциональных установок на черты:

Э1 – кластер участников, дающих менее контрастные оценки положительным и отрицательным чертам;

Э2 – кластер участников, дающих более контрастные оценки положительным и отрицательным чертам;

Э3 – кластер участников, дающих наиболее контрастные оценки положительным и отрицательным чертам

[Figure 5. Means of self- and Other assessments for different types of emotional attitudes toward traits:

Э1 – cluster of participants giving less contrast assessments of positive and negative traits;

Э2 – cluster of participants giving more contrast assessments of positive and negative traits;

Э3 – cluster of participants giving the most contrast assessments of positive and negative traits]

Анализ показал статистическую значимость главных эффектов всех независимых факторов на самооценку и оценку объекта ($56,80 < F < 515,00$, $p < 0,001$). При этом все факторы значимо взаимодействовали между собой ($5,50 < F < 535,20$; $p < 0,01 \div 0,001$). Post hoc анализ продемонстрировал, что самооценка была самой высокой в группе участников с наиболее контрастными оценками положительных и отрицательных черт ($p < 0,001$). Та же группа участников более высоко, чем другие группы, оценивала «хорошего» объекта ($p < 0,07 \div 0,001$) и более низко – «плохого» объекта ($p < 0,09$).

На рис. 6 представлены результаты дисперсионного анализа показателей оценки себя и Другого при разных типах поведенческих установок на черты.

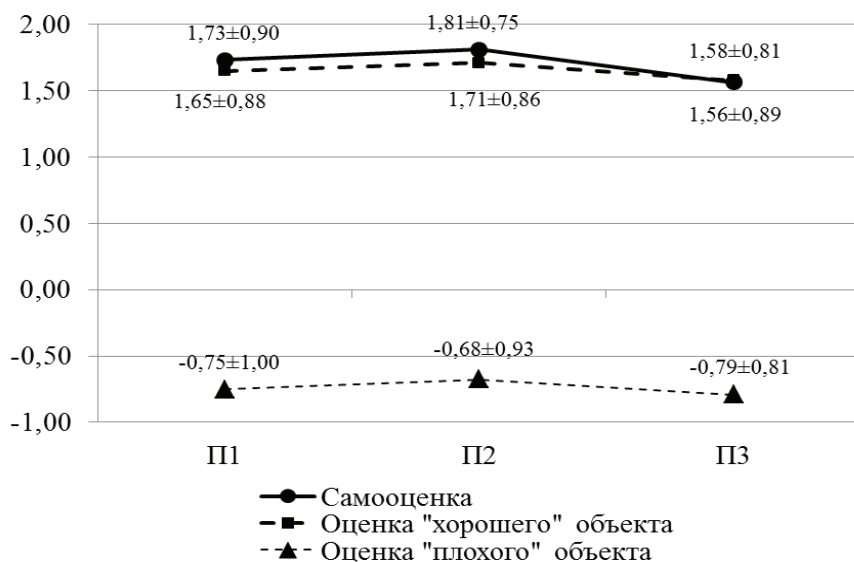

Рис. 6. Средние значения самооценки и оценки Другого при разных типах поведенческих установок на черты:

П1 – кластер участников, полагающих, что чертами управлять относительно легко;

П2 – кластер участников, полагающих, что положительными чертами управлять легко, а отрицательными – тяжело;

П3 – кластер участников, полагающих, что чертами управлять относительно тяжело

[Figure 6. Means of self- and Other assessments for different types of behavioral attitudes toward traits:

П1 – cluster of participants who believe that all traits are relatively easy to manage;

П2 – cluster of participants who believe that positive traits are easy to manage and negative ones are hard to manage;

П3 – cluster of participants who believe that all traits are relatively difficult to manage]

Анализ показал статистическую значимость главных эффектов всех независимых факторов на самооценку и оценку объекта ($4,20 < F < 715,60$; $p < 0,05 \div 0,001$). Однако взаимодействие независимых факторов между собой оказалось незначимым ($p > 0,10$). По данным *post hoc* анализа, в группе участников, полагающих, что положительными чертами управлять легко, а отрицательными – сложно, самооценка была выше, чем в группе участников, полагающих, что черты вообще сложно поддаются контролю ($p < 0,05$). Оценки «хорошего» и «плохого» объектов не обнаружили зависимости от поведенческих установок участников: при любом типе установок они были высокими в первом и низкими во втором случае.

Обсуждение

В нашем исследовании получены эмпирические факты, которые свидетельствуют о существовании разных типов установок на черты¹, а также об их специфическом влиянии на самооценку и оценку Другого.

Прежде всего, анализ когнитивных, эмоциональных и поведенческих аспектов установок на черты позволил выявить значимые индивидуальные разли-

¹ Поскольку выделенные типы установок на черты получены в результате однократной кластеризации, они не могут рассматриваться как окончательные и устойчивые. Подтвердить либо опровергнуть их существование возможно с помощью репликационных исследований.

чия (типы установок) по каждому из названных компонентов. Обнаружено, что участники демонстрируют контрастные установки в отношении распространенности положительных и отрицательных черт: одни (22 %) убеждены в более широкой распространенности положительных, другие (34 %) – отрицательных черт. Установлено, что респонденты выражают эмоционально-позитивное и эмоционально-негативное отношение к положительным и отрицательным чертам (соответственно) с разной степенью категоричности: 16 % демонстрируют ее низкий уровень, 38 % – средний и 46 % – высокий. Наконец, были получены данные, свидетельствующие о разных типах поведенческих установок в отношении черт: независимо от их валентности 27 % участников считают, что управлять чертами относительно легко, 38 %, наоборот, полагают, что это достаточно сложно, а 35 % убеждены, что положительными чертами управлять легко, а отрицательными – сложно.

Определено, что самооценка субъекта зависит от установок на черты и обнаруживает разную выраженность в зависимости от их типа. Наиболее высокая самооценка наблюдается при установке на широкую распространенность положительных черт и редкую – отрицательных, максимально контрастной эмоциональной оценке положительных и отрицательных черт, а также убежденности в высокой подконтрольности положительных черт и низкой – отрицательных.

Оценка Другого также обнаружила зависимость от типов установок на черты. Наиболее высокие оценки «хорошего» Другого наблюдались при контрастном типе эмоциональных оценок черт. Наиболее высокие оценки «плохого» Другого наблюдались на фоне когнитивной установки на преобладание отрицательных черт над положительными, а также при слабоконтрастном типе эмоционального отношения к положительным и отрицательным чертам.

На наш взгляд, полученные факты позволяют сформулировать следующие основные выводы. Во-первых, выявлено, что установки на черты характеризуются высокой степенью дисперсии по каждому компоненту (когнитивному, эмоциональному и поведенческому), что позволяет описать их как качественно различающиеся типы. Во-вторых, обнаружено, что оценка себя и другого человека определяется как общими закономерностями социальной перцепции – позитивной предвзятостью в пользу Я (Alicke et al., 1995) и предпочтением социально желательного Другого (Goodwin et al., 2014), так и типами установок на черты, по которым осуществляется оценка. В-третьих, самооценка в большей степени обусловлена типами установок на черты, чем оценка Другого. В-четвертых, разные компоненты установок на черты вносят разный вклад в формирование самооценки и оценки Другого: эмоциональный компонент обладает наиболее высоким предсказательным потенциалом, а поведенческий компонент – наиболее низким.

Первый вывод представляется логичным с точки зрения теории самовосприятия D. Bem (1972): субъект воспринимает себя не «изнутри», а «извне», прибегая к тем же атрибутивным схемам, с помощью которых он воспринимает Другого. В нашей работе показано, что установки на черты представляют собой общий источник для формирования оценок по этим чертам – как самого

себя, так и другого человека. Другими словами, установки на черты можно рассматривать как общий когнитивный механизм социальных суждений о Я и Другом.

Более весомый вклад установок на черты в самооценку, чем в оценку Другого, может иметь, на наш взгляд, два альтернативных объяснения. С одной стороны, можно предположить, что самооценка является предметом более тщательных размышлений, чем оценка Другого, поэтому связанная с ней информация (в данном случае о чертах) представляет больший интерес и удостоивается более пристального внимания субъекта. С другой стороны, не исключено, что данный вывод на самом деле имеет техническое объяснение и связан со спецификой стимульного материала: «хороший» и «плохой» Другой провоцировали возникновение готовых стереотипных оценок, поэтому информация об отношении к чертам могла быть вытеснена как избыточная.

Обнаруженный факт о неравноценных вкладах разных компонентов установок на черты в оценку себя и Другого может быть проинтерпретирован с разных точек зрения. Прежде всего можно предположить, что обнаруженные типы установок имеют некую общую основу, что косвенно подтверждается идентичным ростом самооценки под влиянием когнитивных, аффективных и поведенческих компонентов. Такой общей основой может выступать сам факт осознания установок, способствующий переключению мышления в рефлексивный (медленный) режим. В этом случае различия вкладов разных компонентов установок имеют скорее количественное, чем качественное (содержательное) объяснение. Данное предположение нуждается, однако, в дополнительной проверке. С другой стороны, можно предположить, что обнаруженные типы установок на черты не имеют в своей основе общих механизмов и разница их вкладов носит содержательное объяснение. Например, в основе контрастных когниций о преимущественной распространенности отрицательных и положительных черт могут лежать дистимическая и гипертимная акцентуации, причем последняя, вероятно, может являться общим фактором высокой самооценки и оптимистичного представления о том, что хороших людей больше, чем плохих. Общим фактором более полюсных оценок себя и Другого при высококонтрастных эмоциональных установках на черты могут являться особенности темперамента, связанные с высоким уровнем энергичности и эмоциональности индивида. Наконец, согласованность представлений о высокой подконтрольности положительных черт (и низкой – отрицательных) с высокой самооценкой может объясняться в контексте стремления к когнитивному консонансу: человек, обладающий большим количеством положительных черт, приложил немало усилий, а значит, достоин дополнительного оценочного «бонуса».

Заключение

Полученные нами результаты не могут быть напрямую сопоставлены с данными аналогичных исследований, поскольку в отличие от них в нашей работе не рассматривались непосредственные связи между выраженностью

установок на черты и оценками по этим чертам. Вместо этого мы изучали зависимость оценок себя и Другого от *типов* установок, то есть исследовали их качественный, а не количественный аспект. Вместе с тем мы предполагаем, что обнаруженная S. Pahl и J. Eiser (2005) положительная связь позитивной предвзятости в пользу Я с крайними оценками черт по эмоциональному компоненту согласуется с обнаруженным нами эффектом высококонтрастных эмоциональных оценок черт на оценки себя и Другого.

В целом результаты исследования открывают новые перспективы коррекции самоотношения и отношения к Другому через формирование установок на черты. Другими словами, формируя определенный тип установок на черты, можно оказывать определенное влияние на самооценку и оценку другого человека по этим чертам. Поскольку такое воздействие носит имплицитный характер, можно прогнозировать, что оно окажется более эффективным по сравнению с прямой аргументацией, направленной на повышение самооценки или ослабление предвзятого негативного отношения к Другому.

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-013-00329.

Список литературы

- Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В. Адаптация Короткого опросника Темной триады // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 43. С. 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1181-egorova43.html> (дата обращения: 12.03.2019).
- Прыгин Г.С., Каюмов А.Т. Проявление социальных установок: «альтруизм – эгоизм», «процесс – результат», «свобода – власть», «труд – деньги» у автономных и зависимых студентов (гендерный аспект) // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 27. № 2. С. 196–202.
- Фоломеева Т.В. Потребительские аттитюды и лояльность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2012. № 2. С. 184–193.
- Щебетенко С.А. Рефлексивные адаптации характера в пятифакторной теории личности // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 6. С. 55–65.
- Alicke M.D., Klotz M.L., Breitenbecher D.L., Yurak T.J., Vredenburg D.S. Personal contact, individuation, and the better-than-average effect // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 68. No. 5. Pp. 804–825. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.68.5.804>
- Bem D.J. Constructing cross-situational consistencies in behavior – some thoughts on Alker’s critique of Mischel // *Journal of Personality*. 1972. Vol. 40. No. 1. Pp. 17–26.
- Breckler S.J., Wiggins E.C. Affect versus evaluation in the structure of attitudes // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1989. Vol. 25. No. 3. Pp. 253–271. [https://doi.org/10.1016/0022-1031\(89\)90022-X](https://doi.org/10.1016/0022-1031(89)90022-X)
- Breckler S.J., Wiggins E.C. Cognitive responses in persuasion: Affective and evaluative determinants // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1991. Vol. 27. No. 2. Pp. 180–200. [https://doi.org/10.1016/0022-1031\(91\)90021-W](https://doi.org/10.1016/0022-1031(91)90021-W)
- Devine P.G. Stereotypes and prejudice: Their automatic and controlled components // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. Vol. 56. Pp. 5–18. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.56.1.5>
- Eagly A.H., Chaiken S. *The psychology of attitudes*. Fort Worth, TX: Harcourt Brace Jovanovich, 1993.

- Edwards K.* The interplay of affect and cognition in attitude formation and change // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. Vol. 59. No. 2. Pp. 202–216. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.59.2.202>
- Fazio R.H., Olson M.A.* The MODE model: Attitude-behavior processes as a function of motivation and opportunity // *Dual process theories of the social mind* / ed. by J.W. Sherman, B. Gawronski, Y. Trope. New York, NY: Guilford Press. 2014. Pp. 155–171.
- Goodwin G.P., Piazza J., Rozin P.* Moral character predominates in person perception and evaluation // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2014. Vol. 106. No. 1. Pp. 148–168. <https://doi.org/10.1037/a0034726>
- Greenwald A.G.* Why attitudes are important: Defining attitude and attitude theory 20 years later // *The Third Ohio State University Vol. on Attitudes and Persuasion. Attitude structure and Function* / ed. by A.R. Pratkanis, S.J. Breckler, A.G. Greenwald. Hillsdale, NJ, US: Lawrence Erlbaum Associates, Inc. 1989. Pp. 429–440.
- Greenwald A.G., Poehlman T.A., Uhlmann E.L., Banaji M.R.* Understanding and Using the Implicit Association Test: III. Meta-Analysis of Predictive Validity // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 97. Pp. 17–41. <https://doi.org/10.1037/a0015575>
- Kaiser F.G., Wilson M.* The Campbell paradigm as a behavior-predictive reinterpretation of the classical tripartite model of attitudes // *European Psychologist*. 2019. Advance Online Publication. <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000364>
- Kurdi B., Seitchik A.E., Axt J.R., Carroll T.J., Karapetyan A., Kaushik N., Tomczko D., Greenwald A.G., Banaji M.R.* Predicting Intergroup Discrimination Using the Implicit Association Test: Systematic review, meta-analysis, and recommendations for future research. *American Psychologist*. 2018. Advance online publication. <https://doi.org/10.1037/amp0000364>
- La Piere R.* Attitude versus action // *Attitude Theory and Measurement* / ed. by M. Fishbein, N. John. New York, 1967. Pp. 26–31.
- Mann T.C., Ferguson M.J.* Can we undo our first impressions? The role of reinterpretation in reversing implicit evaluations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2015. Vol. 108. No. 6. Pp. 823–849. <https://doi.org/10.1037/pspa0000021>
- Miketta S., Friese M.* Debriefed but still troubled? About the (in)effectiveness of postexperimental debriefings after ego threat // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2019. Vol. 117. No. 2. Pp. 282–309. <https://doi.org/10.1037/pspa0000155>
- Millar M.G., Millar K.U.* Attitude change as a function of attitude type and argument type // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. Vol. 59. No. 2. Pp. 217–228. <https://dx.doi.org/10.1037/0022-3514.59.2.217>
- Pahl S., Eiser J.R.* Valence, comparison focus and self-positivity biases: Does it matter whether people judge positive or negative traits? // *Experimental Psychology*. 2005. Vol. 52. No. 4. Pp. 303–309. <https://doi.org/10.1027/1618-3169.52.4.303>
- Rosenberg M.J., Hovland C.I.* Cognitive, affective, and behavioral components of attitudes // *Attitude organization and change: An analysis of consistency among attitude components* / ed by C.I. Hovland, M.J. Rosenberg. New Haven, CT: Yale University Press, 1960. Pp. 1–14.
- Rothermund K., Bak P.M., Brandtstädter J.* Biases in self-evaluation: Moderating effects of attribute controllability // *European Journal of Social Psychology*. 2005. No. 35. Pp. 281–290. <https://doi.org/10.1002/ejsp.250>
- Triandis H.C.* Attitude and attitude change. New York: John Wiley & Sons, Inc., 1971.
- Zanna M.P., Rempel J.K.* Attitudes: A new look at an old concept // *The social psychology of knowledge* / ed. by D. Bar-Tal, A.W. Kruglanski. New York, NY, US: Cambridge University Press; Paris, France: Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1988. Pp. 315–334.

История статьи:

Поступила в редакцию: 10 сентября 2019 г.

Принята к печати: 05 декабря 2019 г.

Для цитирования:

Балева М.В., Полянина О.И., Смирнова И.В. Типы установок на черты и их роль в самооценке и оценке Другого // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 4. С. 540–559. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-4-540-559>

Сведения об авторах:

Балева Милена Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии развития Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия). ORCID iD: 0000-0001-7334-3635, eLIBRARY SPIN-код: 8439-0852. E-mail: milenabaleva@yandex.ru

Полянина Ольга Ивановна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии развития Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь, Россия). ORCID iD: 0000-0002-5009-2156, eLIBRARY SPIN-код: 7559-3205. E-mail: helgapol72@gmail.com

Смирнова Ирина Владимировна, старший преподаватель Института культуры и искусств Московского городского педагогического университета (Москва, Россия). ORCID iD: 0000-0002-4083-4005, eLIBRARY SPIN-код: 6609-2405. E-mail: smirnovai@mgpu.ru

Research article

**Types of Attitudes toward Traits
and Their Role in Self- and Other Assessments**

Milena V. Baleva¹, Olga I. Polyamina¹, Irina V. Smirnova²

¹Perm State University
15 Bukirev St., Perm, 614099, Russian Federation

²Moscow City University
4 2-i Sel'skokhozyaistvennyi proezd, bldg.1, Moscow, 129226, Russian Federation

Abstract. The study integrates the experimental and descriptive approaches to the attitudes. The assumptions that the emotional, cognitive and behavioral components of attitudes toward personality traits, as well as the types of these attitudes mediate the self- and the Other assessments are under consideration. The study involved 314 students aged 18 to 30 years old ($M = 20.23$; $SD = 1.59$), of which 79 men (25%) and 235 women (75%). To measure attitudes toward traits, as well as the self- and the Other assessments, a list of 20 antonymic adjectives denoting personality characteristics was used. The objects of perception were young man and woman who answered the questions of the Short Dark Triad Questionnaire as an absolutely “good” or “bad” person. Using cluster analysis, different types of attitudes toward traits were highlighted within each component (cognitive, emotional, and behavioral). These types were determined by the participants’ position in relation to positive and negative traits. The attained

results indicate that the subject's self-esteem depends on the attitudes toward traits and detects different severity depending on the attitudes type. The highest self-esteem is observed in those subjects who: 1) consider that positive traits are more common than negative; 2) give highly contrast emotional ratings to positive and negative traits; 3) believe that positive traits are less controlled than negative ones. The assessment of the Other also reveals a connection with the types of the attitudes toward traits: the "good" Other is rated higher when the emotional attitudes toward traits are highly contrast, while the "bad" Other is rated higher when: 1) the negative traits are treated as more common; 2) the contrast between positive and negative traits is perceived as moderate. The results obtained open up the new perspectives for the correction of the self- and the Other assessments through the formation of attitudes toward traits.

Key words: social perception; attitudes; attitudes toward traits; self-assessment; assessment of the Other

Acknowledgements and Funding. The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-013-00329.

References

- Alicke, M.D., Klotz, M.L., Breitenbecher, D.L., Yurak, T.J., & Vredenburg, D.S. (1995). Personal contact, individuation, and the better-than-average effect. *Journal of Personality and Social Psychology*, 68(5), 804–825. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.68.5.804>
- Bem, D.J. (1972). Constructing cross-situational consistencies in behavior – some thoughts on Alker's critique of Mischel. *Journal of Personality*, 40(1), 17–26.
- Breckler, S.J., & Wiggins, E.C. (1989). Affect versus evaluation in the structure of attitudes. *Journal of Experimental Social Psychology*, 25(3), 253–271. [https://doi.org/10.1016/0022-1031\(89\)90022-X](https://doi.org/10.1016/0022-1031(89)90022-X)
- Breckler, S.J., & Wiggins, E.C. (1991). Cognitive responses in persuasion: Affective and evaluative determinants. *Journal of Experimental Social Psychology*, 27(2), 180–200. [https://doi.org/10.1016/0022-1031\(91\)90021-W](https://doi.org/10.1016/0022-1031(91)90021-W)
- Devine, P.G. (1989). Stereotypes and prejudice: Their automatic and controlled components. *Journal of Personality and Social Psychology*, 56, 5–18. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.56.1.5>
- Eagly, A.H., & Chaiken, S. (1993). *The Psychology of Attitudes*. Fort Worth, TX: Harcourt Brace Jovanovich.
- Edwards, K. (1990). The interplay of affect and cognition in attitude formation and change. *Journal of Personality and Social Psychology*, 59(2), 202–216. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.59.2.202>
- Egorova, M.S., Sitnikova, M.A., & Parshikova, O.V. (2015). Adaptation of the Short Dark Triad. *Psichologicheskie Issledovaniya*, 8(43), 1. <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1181-egorova43.html> (In Russ.)
- Fazio, R.H., & Olson, M.A. (2014). The MODE model: Attitude-behavior processes as a function of motivation and opportunity. In J.W. Sherman, B. Gawronski & Y. Trope (Eds.), *Dual Process Theories of the Social Mind* (pp. 155–171). New York, NY: Guilford Press.
- Folomeeva, T.V. (2012). Consumer's attitudes and loyalty. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*, 2, 184–193. (In Russ.)
- Goodwin, G.P., Piazza, J., & Rozin, P. (2014). Moral character predominates in person perception and evaluation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 106(1), 148–168. <https://doi.org/10.1037/a0034726>
- Greenwald, A.G. (1989). Why attitudes are important: Defining attitude and attitude theory 20 years later. In A.R. Pratkanis, S.J. Breckler & A.G. Greenwald (Eds.), *The Third*

- Ohio State University Vol. on Attitudes and Persuasion. Attitude Structure and Function* (pp. 429–440). Hillsdale, NJ, US: Lawrence Erlbaum Associates, Inc.
- Greenwald, A.G., Poehlman, T.A., Uhlmann, E.L., & Banaji, M.R. (2009). Understanding and Using the Implicit Association Test: III. Meta-Analysis of Predictive Validity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 97, 17–41. <https://doi.org/10.1037/a0015575>
- Kaiser, F.G., & Wilson, M. (2019). The Campbell paradigm as a behavior-predictive reinterpretation of the classical tripartite model of attitudes. *European Psychologist*. Advance Online Publication. <https://doi.org/10.1027/1016-9040/a000364>
- Kurdi, B., Seitchik, A.E., Axt, J.R., Carroll, T.J., Karapetyan, A., Kaushik, N., Tomezsko, D., Greenwald, A.G., & Banaji, M.R. (2018). Predicting intergroup discrimination using the Implicit Association Test: Systematic review, meta-analysis, and recommendations for future research. *American Psychologist*. Advance Online Publication. <https://doi.org/10.1037/amp0000364>
- La Piere, R. (1967). Attitude versus action. In M. Fishbein & N. John (Eds.), *Attitude Theory and Measurement* (pp. 26–31). N.Y.
- Mann, T.C., & Ferguson, M.J. (2015). Can we undo our first impressions? The role of reinterpretation in reversing implicit evaluations. *Journal of Personality and Social Psychology*, 108(6), 823–849. <https://doi.org/10.1037/pspa0000021>
- Miketta, S., & Friese, M. (2019). Debriefed but still troubled? About the (in)effectiveness of postexperimental debriefings after ego threat. *Journal of Personality and Social Psychology*, 117(2), 282–309. <https://doi.org/10.1037/pspa0000155>
- Millar, M.G., & Millar, K.U. (1990). Attitude change as a function of attitude type and argument type. *Journal of Personality and Social Psychology*, 59(2), 217–228. <https://dx.doi.org/10.1037/0022-3514.59.2.217>
- Pahl, S., & Eiser, J.R. (2005). Valence, comparison focus and self-positivity biases: Does it matter whether people judge positive or negative traits? *Experimental Psychology*, 52(4), 303–309. <https://doi.org/10.1027/1618-3169.52.4.303>
- Prygin, G.S., & Kayumov, A.T. (2017). The manifestation of social attitudes: “altruism – egoism”, “process – result”, “freedom – power”, “labor – money” among autonomous and dependent students (gender aspect). *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 27(2), 196–202. (In Russ.)
- Rosenberg, M.J., & Hovland, C.I. (1960). Cognitive, affective, and behavioral components of attitudes. In C.I. Hovland & M.J. Rosenberg (Eds.), *Attitude Organization and Change: An Analysis of Consistency among Attitude Components* (pp. 1–14). New Haven, CT: Yale University Press.
- Rothermund, K., Bak, P.M., & Brandtstädter, J. (2005). Biases in self-evaluation: Moderating effects of attribute controllability. *European Journal of Social Psychology*, 35, 281–290. <https://doi.org/10.1002/ejsp.250>
- Shchebetenko, S.A. (2015). Reflexive characteristic adaptations within the five-factor theory of personality framework. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 36(6), 55–65. (In Russ.)
- Triandis, H.C. (1971). *Attitude and Attitude Change*. New York: John Wiley & Sons, Inc.
- Zanna, M.P., & Rempel, J.K. (1988). Attitudes: A new look at an old concept. In D. Bar-Tal & A.W. Kruglanski (Eds.), *The Social Psychology of Knowledge* (pp. 315–334). New York, NY, US: Cambridge University Press; Paris, France: Editions de la Maison des Sciences de l’Homme.

Article history:

Received: 10 September 2019

Revised: 01 December 2019

Accepted: 05 December 2019

For citation:

Baleva, M.V., Polyamina, O.I., & Smirnova, I.V. (2019). Types of Attitudes toward Traits and Their Role in Self- and Other Assessments. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 16(4), 540–559. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-4-540-559>

Bio notes:

Milena V. Baleva, Ph.D. in Psychology, is Associate Professor at Developmental Psychology Department, Perm State University (Perm, Russia). ORCID iD: 0000-0001-7334-3635, eLIBRARY SPIN-code: 8439-0852. E-mail: milenabaleva@yandex.ru

Olga I. Polyamina, Ph.D. in Psychology, is Associate Professor at Developmental Psychology Department, Perm State University (Perm, Russia). ORCID iD: 0000-0002-5009-2156, eLIBRARY SPIN-code: 7559-3205. E-mail: helgapol72@gmail.com

Irina V. Smirnova is senior lecturer at Institute of Culture and Arts, Moscow City University (Moscow, Russia). ORCID iD: 0000-0002-4083-4005, eLIBRARY SPIN-код: 6609-2405. E-mail: smirnovai@mgpu.ru